

Игорь Шестков "Иаков и Гермоген"

ИАКОВ И ГЕРМОГЕН

Был недавно на выставке. Показывали резцовые гравюры на меди по эскизам Питера Брейгеля старшего. Пейзажи, кораблики, несколько фрагментов больших картин мастера, мои любимые серии «Семь смертных грехов», «Семь добродетелей» и другие картинки, полные затейливых фигурок — шутов, безумцев, грешников, злодеев, чудовищ, ведьм, чертей, святых... художественного сброда эпохи маньеризма и снабженные соответствующими подписями, назидательными мужицкими мудростями. Особенно запомнилась гравюра «Святой Иаков и маг Гермоген». Резал ее прекрасный, конгениальный Брейгелю, мастер Питер Ван Дер Хейден. Датирована она 1565 годом (несохранившийся эскиз был скорее всего нарисован в годы 1564-65). Выпущена в свет издательством Иеронима Кока «На четырех

ветрах», для которого Брейгель нарисовал около восьмидесяти эскизов для гравирования на меди.

Под оттиском, на полях гравюры — латинская подпись, которую можно перевести так: «Святой Иаков поставлен перед магом силой дьявольского наваждения».

...

Литературный источник этого изображения — популярная во времена Брейгеля «Золотая легенда» Иакова Ворагинского. Русского перевода «Золотой легенды» к сожалению до сих пор не существуют, поэтому я сам перевел страничку текста, но не с латинского, а с немецкого издания 1999 года.

Из главы «О Иакове великом» (в квадратных скобках мои вставки):

Святой Апостол Иаков Заведеев проповедывал Слово Божье в Иудее. Один маг, по имени Гермоген, послал к нему своего ученика Филета и несколько фарисеев, для того, чтобы он изобличил Иакова перед ними во лжи. Но Апостол пересилил Филета доводами рассудка и сотворил много чудес на его глазах. И возвратился Филет к Гермогену и рассказал ему о чудесах, которые сотворил Иаков, и о том, что хочет стать его учеником и следовать его учению, и посоветовал Гермогену сделать тоже самое. Гермоген разгневался и околдовал Филета так, что тот не мог и пошевелинуться, и сказал: Ну а теперь посмотрим, как твой Иаков тебя освободит.

Филет смог через своего слугу сообщить Иакову о случившемся; Апостол послал ему свое полотенце и наказал взять его в руки и сказать: Господь поддерживает падающих и освобождает связанных.

Как только Филет дотронулся до полотенца, заклятье сошло с него, он вскочил и поспешил к Иакову, понося магическое искусство Гермогена. Еще больший гнев объял Гермогена, и он призвал подчиненных ему [нечистых] духов и повелел им принести ему и Иакова и Филета связанными, для того, чтобы он мог им отомстить и для того, чтобы его ученики не вздумали больше его поносить.

Нечистые духи явились к Иакову и начали, повиснув перед ним в воздухе, плакаться: О Иаков, святой Апостол, помилуй нас, посмотри, мы сгораем раньше уготованного нам часа!

Иаков спросил: Зачем явились ко мне?

Они отвечали: Гермоген послал нас, мы должны были доставить ему тебя и Филета, но как только мы подлетели к твоему дому, ангел Господень связал нас огненными цепями и много мучил.

Иаков сказал: Ангел Господень отпустит вас, возвратитесь к Гермогену и доставьте его самого связанного сюда, но не делайте ему слишком больно!

И они отправились туда, схватили Гермогена, заломили ему руки за спину, связали его так и отнесли к Иакову и поставили перед Иаковом и сказали Гермогену: Ты прислал нас сюда, для того, чтобы мы мучимы были и сторели.

И они попросили Иакова: Дай нам власть над ним, чтобы мы могли отомстить ему за зло, которое он хотел причинить тебе и за огонь, который жёг нас.

Иаков сказал духам: Посмотрите, вот Филет стоит перед вами, почему не нападаете на него?

Они отвечали: Мы не могли бы в твоей келье и муравья обидеть.

Иаков сказал Филету: Ответим добром на зло, как завещал нам Господь, Гермоген заколдовал тебя, а ты освободи его.

И Гермоген был освобожден от пут и стоял перед Иаковом и стыдился сильно.

И сказал ему Иаков: Иди восвояси, не в наших обычаях обращать [в христианство] насильно.

Гермоген ответил: Злые духи убьют меня. Дай мне что-нибудь твое, тогда они не тронут меня.

И Иаков дал ему свой посох. Гермоген взял посох и ушел к себе, собрал свои бесовские книги и принес назад к Апостолу и положил их перед ним, чтобы тот сжег их. Но Иаков не хотел, чтобы кто-то пострадал от смрада и повелел бросить их в море. Гермоген сделал это, вернулся к Апостолу, [встал перед ним на колени] обнял его ноги и попросил: Спаситель душ, прими раскаяние того, чьи зависть и злоба преследовали тебя!

Итак, он обратился [в христианство] и был так полон страха Божия, что сотворил многие [добрые] знамения...

Далее в «Золотой легенде» рассказывается о том, как Иакова за проповедь учения Христа обезглавил Ирод Агриппа, внук Ирода Великого, как тело апостола само собой приплыло в Испанию и какие Иаков сотворил чудеса после смерти.

.....

В геометрическом центре гравюры — таз или круглое корыто, в котором ведьмы варят из человеческих костей и прочих несимпатичных продуктов свое колдовское варево. Таз этот покоится на своеобразной жаровне — стоящем скелете козла, в котором бушует пламя. Внутри таза — котел с ручками. Из него валит пар. С мухами, шершнями и слепнями. Пар этот уносится в небеса.

Чуть левее котла стоит Иаков. Правой рукой он благословляет, в левой держит посох. Вокруг его головы — нимб святого.

«Церемониймейстер», неприятный демон с птичьим лицом и большим животом, держащий в четырехпалой руке что-то вроде скипетра или письменного прибора, повернул в сторону апостола свою морду в капюшоне.

Церемониймейстер напоминает демона с берлинской картины Иеронима Босха «Святой Иоанн на Патмосе», только этот бес, надо признать, как и все брейгелевские бесы — не так фантастичен, как его босховский оригинал; нечистые духи Брейгеля — это что-то органическое, почти естественное, босховские же зачастую — не от мира сего, нечто гротескно биомеханическое.

Почти вся остальная нечистая рать как бы и не замечает Иакова.

Странно то, что на Иакова не обращает внимания и вызвавший его своими чарами колдун Гермоген, бородатый старичок, похожий на апостола, в шапке-колпаке, сидящий в кресле и читающий колдовскую книгу. Перед Гермогеном — деревянный треножник, на нем еще один котел. В треножнике, как в клетке лежит пузом кверху нечистый дух. Тело его конвульсивно изогнуто, голова запрокинута, пасть открыта. Похоже, этот треножник — место его мучения. Или экстаза. Из котла как из трубы валит пар или дым, или огонь. Чуть выше головы святого, в этом пару образовалась звезда или вихрь, или светящийся диск, бросающий в четыре стороны магические лучи. Иаков смотрит на это чудо.

Возможно, этот вихрь и перенес его сюда, на чёртову кухню.

Третье действующее лицо легенды — ученик чародея Филет — сидит скорчившись, босой, в монашеской одежде, опустив голову, почти спиной к зрителю на небольшой табуретке. Вокруг него очерчен круг, слева на него дует

убийственным паром с ядовитого супчика ведьма, справа и сверху — компания нечистых духов с птичьими клювами забавляется какими-то дурацкими щитами или тарелками, один из них замахивается на Филета палкой, похожей на московскую милицейскую дубинку прошлых лет.

Заколдованный бесовщиной, сидящий внутри магического круга в окружении нечистых духов Филет — напоминает Хому Брута из «Вия» в церкви с мертвой панночкой и гномами. Я давно подозреваю, что черти, чудовища и колдуны Гоголя пришли в его прозу не из малоросского фольклора, а ничтоже сумняшеся заимствованы им из западноевропейской графики и живописи, которые он любил и хорошо знал, но прямых доказательств у меня не много...

Правее Филета — огромный булгаковский камин, у которого греются обезьянки. На крышу камина ведет лестница из ниоткуда. Поверхность камина украшают таинственные рисунки и восковая колдовская рука. Внутри камина — еще один чародейский котел. Из него тоже валит пар и пар этот вылетает в небо и явно портит погоду. Вместе с паром сквозь камин вылетают и ведьмы на метлах. А в небесах и без них творится лихо. Три нагие ведьмы-маргариты, с развевающимися волосами (одна на козле, вокруг нее — летают подозрительные шары-планеты, две другие — на драконах с длинными хвостами, у одной из них в руке — пучок живых змей) атакуют фурию, летящую им навстречу на чудовище, похожем на свинью. Драконы и летучая свинья изрыгают друг на друга потоки огня. На землю падает град, убивающий лошадок. Деревья гнутся из-за страшного напора небес. Церковь затопило, ее шпиль повалило ураганным ветром и сейчас он упадет в водную пучину, вместе с вцепившимся в него человеком-чертиком.

Пол каменной площадки-руины пробит и сквозь большую полукруглую дыру видно то, что находится уровнем ниже: какой-то колдун — то ли лижет, то ли ест чародейскую книгу, два демона терзают бесчувственного (или мертвого) человека, лежащего на спине. За ними наблюдает черный рогатый чёрт.

Адская рать, скопившаяся вокруг углубившегося в чтение Гермогена, ведет себя непонятно. Один нечистый дух, с овечьей головой, замахнулся на мага дубинкой. Другой, с утиной мордой, напоминающей противогаз, не позволяет магу влить в колдовской горшок какую-то жидкость, и она льется из кружки на

пол. Гадкий круглоголовый, заросший волосами, и еще один, брюхатый, с собачьей головой, воздели к небу руки-лапы.

Неизвестно, что забыл на этой гравюре слон. Кто его притащил сюда из Африки и зачем? Похоже, он тут играет роль свадебного генерала от графики, одним своим присутствием придавая происходящему особую важность.

Правее треножника Гермогена — ослиная голова, на затылке у которой — голая задница. Левая ее нога заканчивается не пальцами, а корнями, правая — в протезе или в кувшине. К этому кувшину прикреплены поводья. За ослом — демон-черепушка, которому мастер забыл пририсовать туловище и ноги.

Позади Иакова — два голово-ногих чудовища, явно послуживших прототипами для персонажей фильмов ужаса.

Перед Гермогеном — вполне монструозный «дельфин». Он демонстрирует публике неприкрытый анус-клоаку и ранит сам себя кинжалом, который держит в руке-ноге. Во рту у него — какая-то бумага, разобрать, что на ней написано, я не смог...

Слева от него — толстая «голова». Из лба ее растут, как рога, две короткие человеческие ноги. Стоит она на руках. На причинном месте у головы — вторая, маленькая, кажется жабья головка. Под головой лежит монетка (выпала изо рта?). Голова укоризненно, насупленно смотрит на зрителя, как бы спрашивая: А тебе-то что тут надо? Видишь, как тут у нас, погоди, и тебя разнесет, скрючит и перевернет.

...

Голова эта напоминает зрителю то, что он, разглядывая гравюру, может быть и позабыл — демоны, черти, монстры это перевернутые добродетели, части ПЕРЕВЕРНУТОГО мира. А сама гравюра — зеркало вывернутого наизнанку все еще средневекового сознания-подсознания западноевропейского человека.

Все нечистые духи из свиты Гермогена — это воплощения, образы, материализации его грехов и пороков. Бесы вышли, согласно евангельской бесогонской традиции, из него самого, а не упали с неба как падшие ангелы.

Каких именно грехов, точно определить затрудняюсь, но ранящий сам себя дельфин и птичеголовый с дубиной — это скорее всего гнев, толстая голова на ручках — жадность, собачеголовый, демонстрирующий нам свой уд, — это

бесстыдство, утконос-противогаз — это обман, голопопая ослиная голова — глупость.

Один только персонаж на этом листе с трудом поддается идентификации — это странная сгорбленная фигура в правом нижнем углу.

Когда искусствоведы что-то не понимают, они обычно используют слова «аллегорический» и «амбивалентный». Ну вот и мы назовем эту фигуру аллегорической и амбивалентной. Исключительно для красоты слога. Потому что помочь нам эти слова тут не могут.

Стоит эта фигура на блюде, напоминающем католическую патену, на которую во время литургии кладется гостия. На патене лежит меч, который положен тут может быть в воспоминание слов Спасителя «не мир, но меч принес вам».

Фигура держит за глотку змею и — сцеживает ее яд, собирает его в лежащую рядом баночку. Собирает «змеиную мудрость», о которой тоже упомянуто в Евангелии, или напоминает о победе над Змеем, совратившем Еву? Через хребет фигуры переброшен паллий, знак власти Папы или епископа над паствой, над овцами-верующими.

Судя по волосам, наша аллегорическая фигура — это женщина. Но на ведьму она не похожа. Ведьм на этой гравюре достаточно, есть с кем сравнить. Тело фигуры — скорее мужское. Сухощавое, мускулистое. Но если это мужчина, то непонятно, что у него во рту. У мужчин таких титек не бывает. А если это действительно грудь, которую фигура так амбивалентно сосет, то, где же у нее вторая грудь?

Самое обидное — это то, что это создание для Брейгеля и его современников было очевидным и понятным знаком чего-то, что мы не понимаем. Может быть, как это часто у Брейгеля — нарисованной народной метафорой или пословицей. Некоторые комментаторы гравюры, сознательно тянущие вполне католического Брейгеля в лагерь протестантов, предполагают, что эта фигура символизирует «скрытую критику официального католицизма». Другие просто обходят ее вниманием — не хотят писать табуизированные для искусствоведов-интерпретаторов слова «я не знаю, что это значит». Но я то, слава Богу, не искусствовед, поэтому могу, и даже очень громко, закричать, завопить, как нечистый дух — я не понимаю, что означает, что символизирует, что делает на

этой гравюре Брейгеля эта голая фигура, как и Филет, заключенная в круг.

Только металлический.

Рядом с ней весьма многозначительно положены песочные часы (помни о смерти), веретено (судьба), и, возможно, чаша для причастия (пресуществление).

Так что... интерпретируйте ее сами, дорогие читатели.

...

Пора нам еще раз перечитать приведенный выше отрывочек из «Золотой легенды».

Перечитали? А теперь давайте вместе хмыкнем. Хм...

Ничего другого нам не остается, потому что изображенная на гравюре сцена, увы, не очень хорошо вписывается в текст «Золотой легенды».

Поскольку Филет сидит себе в дьявольском кругу — то, что тут происходит, произошло уже после его наказания, но до получения им спасительного полотенца. Очевидно Гермоген не только наказал ученика, но и вызвал к себе Иакова для расправы, что согласуется с надписью на полях гравюры. Но тогда непонятно, почему Иаков стоит в двух метрах от Гермогена, не связанный, и благославляет всю эту шушеру. Почему Гермоген даже не смотрит на Иакова? Почему, если власть Гермогена и демонов над святым апостолом так велика — никто из нечистых духов не бросается на Иакова, даже не замахивается на него? Почему тогда один из демонов замахивается на Гермогена дубинкой, а другой мешает ему в приготовлении колдовского зелья? Да и поднявшие рядом с ним руки дьяволы явно не сигнализируют магу, что, дескать, работа выполнена, апостол доставлен, скорее они кричат: Не в наших силах! Что-то ты не то задумал! Опомнись! Оторвись наконец от твоей дурацкой книжки, тут дело пахнет керосином!

На второй гравюре Брейгеля, посвященной Иакову и Гермогену, гравированной тем же гравером в том же 1565 году по оригинальному эскизу Брейгеля 1564 года, показано, как мучимый нечистыми духами Гермоген падает вниз головой вместе с креслом и книгой к ногам апостола. Содержание второй гравюры точно соответствует тексту «Легенды». Хотя маг и не связан.

В первой же гравюре добрый католик Брейгель отступил от текста источника и нарисовал не иллюстрацию к легенде, а нечто другое. Что же?

Картину внутреннего мира человека, опрокинутого в мир внешний.

Мастер проецировал тут на реальность позднесредневековое сознание, со всеми его страхами, предрассудками и суевериями. Невидимое — на видимое, метафизику — на физику...

В этой двойственной, совмещающей несовместимое вселенной по небу летают зловещие ведьмы, насылающие мор и непогоду, под землей — копошатся трупоеды, а на земле — царство греха и порока, там правят свою сатанинскую тризну колдуны и дьяволы. Семь смертных грехов.

Перед таким посрамлением божьего творения и поставлен святой Иаков дьявольским наваждением.

В «Золотой легенде» он творил перед Филетом чудеса.

Тут же он никаких чудес не творит. И несчастный Филет так и сидит в своем кругу. А проклятый колдун Гермоген и не думает раскаиваться и обращаться. Читает себе свой бесовский бестселлер. Крутится, вертится, разбрасывая лучи как шаровая молния, магический вихрь.

Нет, не Иаков стоит перед ним маленький, потерянный, удивленный.

Сам Питер Брейгель стоит тут в апостольской одежде. И вместе с ним, замороженный его искусством я, зритель.

Любопытно заглянуть в самого себя, очищенного от цивилизации, как апельсин от кожуры!

И вот, мы оробели... перед торжеством крошечного зла.

Наш близнец, наше второе «я», колдун и чернокнижник, не удостаивает нас даже взглядом...

...

Краткая историко-биографическая справка.

Брейгель был родом из Брабанта. Родился в деревне неподалеку от Бреды в годы 1525-30.

Хорошего образования, по-видимому, не получил. Возможно, никакого не получил. Не сохранилось ни одного письма Брейгеля, даже записочки нет.

1551 год, Антверпен — Брейгель член Гильдии Святого Луки. Первые работы у Иеронима Кока.

1552-53 путешествие в Италию.

В 1563 году Брейгель женился на дочери своего бывшего учителя, которую знал с детства, и переехал из Антверпена в Брюссель. Поближе к двору Габсбургов? Советник Маргариты Пармской, тогдашней правительницы Нидерландов, кардинал Антуан Перрено де Гранвиль владел по крайней мере двумя картинами Брейгеля. Карел Ван Мандер утверждает, что на переезде настояла будущая теща художника (для того, чтобы он наконец расстался с любовницей в Антверпене).

Основными покупателями художественной продукции Брейгеля были по-видимому тогдашние богачи, например, известно, что банкир и купец Никлас Йонгелик был владельцем шестнадцати картин мастера. Но и двор, по словам того же Мандера, владел многими картинами мастера (сейчас, надо полагать они находятся в Вене). Гравюры с его рисунков были доступны и среднему классу.

В 1564 году родился сын Брейгеля Питер, ставший впоследствии тоже известным художником. А в 1568 году — Ян, будущий мастер-миниатюрист.

В 1565 году в Нидерландах был неурожай, за ним последовал голод.

В 1566 году началась антииспанская Нидерландская революция или Восемидесятилетняя война. Протестанты-кальвинисты штурмуют церкви, уничтожают в них картины и статуи.

В 1567 — в провинции прибывает наместник короля Филиппа Второго, хладнокровный палач герцог Альба и развязывает кровавый террор. Инквизиция особенно яростно пытала и жгла еретиков.

В сентябре 1569 года Питер Брейгель умирает в Брюсселе. Не дожив и до сорока пяти лет (или до сорока). Перед смертью Брейгель якобы попросил жену сжечь его сатирические рисунки, что она и сделала.

Долговременным другом мастера был картограф Абрахам Ортелиус, дядя свободного философа Себастьяна Франка, мистика и пантеиста, защищавшего внутреннюю свободу человека (доктрина никодемизма).

Лучшая, по мнению самого художника, его картина — «Триумф правды» не сохранилась.

Мандер пишет, что очень многие работы мастера вызывали у современников

благодарный смех. Даже когда они были удручены содержанием. Посмеемся же и мы над нашей гравюрой и над нами самими. Есть над чем.